

МАРИЯ РАХМАНИНОВА*

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР**

ПРОБЛЕМАТИКА СОВЕТСКОГО И ЕВРОПЕЙСКИЙ ЛЕВЫЙ ПРОЕКТ

Получено: 27.01.2022. Рецензировано: 11.04.2022. Принято: 15.04.2022.

Аннотация: В статье исследуются траектории политической рефлексии французской экзистенциалистки и писательницы Симоны де Бовуар, незаслуженно часто выпадающие из поля зрения исследователей ее творчества и биографии. В фокус внимания вводится проблематика советского, как сквозная для ее произведений, и она рассматривается в динамике применительно к периоду 1920–1960-х гг. Предпринимается дискурсивный анализ сочинений разных лет и метаморфозы в принципах, языке и методах репрезентации советского в зависимости от исторического периода — в отношении как внутринеополитического, так и внешнеполитического уровня советской политики. Особое внимание уделяется свидетельствованию Симоны де Бовуар об опыте наблюдения за событиями в Испании 1930-х гг. и об этапах их осмысления — актуальном и ретроспективном. В свете этого проблематизируются выбранные С. де Бовуар и ее окружением методы оценки, а также философского и фактологического освоения заданной политической перспективы; высказывается критика относительно поверхностности источниковедческой части формирования политического консенсуса французского интеллектуального сообщества о советском проекте и событиях в СССР. Предпринимается попытка определить значение и вклад Симоны де Бовуар в репрезентацию этого консенсуса и пронизывающих его полемических линий, а также оценить ее собственное отношение к происходящему; высказывается мнение о роли этого консенсуса в дальнейшем становлении европейского понимания советского и постсоветского.

Ключевые слова: Симона де Бовуар, политическое, советское, СССР, социальная философия, политическая философия.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-241-255.

Симона де Бовуар, пожалуй, одна из самых ярких фигур в европейской мысли XX в. Чаще всего — особенно на постсоветском пространстве — ее имя связывают с гендерной антропологией, второй волной феминизма и женскими освободительными движениями. В самом деле, книга

*Рахманинова Мария Дмитриевна, д. филос. н., независимый исследователь (Москва), RakhmaninovaMD@gup.ru, mariaRakhmaninova@mail.com, ORCID: 0000-0002-4642-2626.

**© Рахманинова, М. Д. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, РФФИ, проект N 20-011-00885 «Гендерная ревизия истории философии».

«Второй пол» радикально переопределила гендерную оптику нескольких поколений европейцев, а вдохновленные ею инициативы сделали возможными важнейшие для женщин социально-политические завоевания как непосредственно в области права, так и в сфере репрезентации женщины в культуре. Не менее важную роль сыграло и литературное наследие мыслительницы: «Прелестные картинки», «Мандарины», «Гостья», автобиографическая трилогия «Воспоминания благовоспитанной девицы», «Зрелость», «Старость» и многие другие ее тексты стали впечатляющим продолжением традиции женской эмансипаторной прозы, восходящей к Мэри Уолстонкрафт, Жорж Санд и Вирджинии Вулф.

И все же философия С. де Бовуар далеко не исчерпывается перспективной рефлексии о женском: несомненный интерес представляют и ее социально-философские и историко-политические размышления. В этой статье мы подробно рассмотрим ее взгляды на феномен советского: на проект СССР и его связь с коммунистическим проектом в целом, на этапы его истории и на события, вести о которых доходили до Европы, на споры о советском в среде французских интеллектуалов и на перспективы европейских левых в свете происходящего в Советском Союзе.

Судя по воспоминаниям Симоны де Бовуар, первые политические размышления посетили ее довольно рано — вначале под воздействием впечатлений от Первой мировой войны, затем под влиянием патриотического воспитания в кругу семьи (де Бовуар, Аннинская и Леонова, 2004: 164–165):

Существование любой другой страны расценивалось как недоразумение, представляющее опасность для Франции. Наша страна была жертвой преступного идеализма Вильсона, ее будущему угрожал грубый реализм «бошей» и большевиков, а так как во главе страны не хватало лидера с крепким кулаком, то она шла к своей гибели. Впрочем, погибнуть предстояло всей культуре. Отец мой, проедавший собственный капитал, предрекал конец всего человечества; мама ему вторила. Повсюду нас подстерегала опасность: красная, желтая; со всех концов земли и со дна общества должно было прийти новое варварское племя; неизбежная революция повергнет мир в хаос.

Однако этот чрезмерно мрачный взгляд предсказуемо оказался плохо совместим с потребностью юности в оптимистичном предвкушении будущего, и жизнелюбивая Симона вскоре отвергла его (там же: 165):

В любом случае победят люди, я уже не понимала, почему интересы, которые называют моими, должны быть важнее, чем интересы Других. Я снова обрела способность дышать. Опасность, нависшая над землей, миновала.

Из этих сомнений в родительском мировосприятии постепенно развивалась чувствительность Симоны де Бовуар к проблематике класса: вначале простое сочувствие к трудящимся, затем сомнение в обоснованности собственных экономических привилегий, а также медленный отход от религиозности и рост интереса к современности неуклонно формировали в ней предпосылки для дальнейших политических взглядов. Немалую роль в этих метаморфозах сыграло впечатление, которое произвел на юную Симону ее преподаватель литературы Робер Гаррик: если по мнению ее отца «рабочие принадлежали к тому же чужеродному и опасному племени, что „боши“ и большевики» (де Бовуар, Аннинская и Леонова, 2004: 233–234), то «Гаррик смел эти границы: на земле существовало только одно-единственное огромное сообщество, все члены которого были моими братьями». «Отменить все барьеры и различия, выйти за пределы своего класса, за пределы себя самой — этот лозунг меня буквально наэлектризовал», — вспоминает С. де Бовуар причины, побудившие ее ступить на непростой путь отказа от ценностей, ритуалов и иерархий, которыми элиты пытаются отгородить себя от мира и его бед (там же: 234). Очень скоро она обнаружила, что просто так освободить элиту от этих странных «пережитков», как ей мечталось вначале, не удастся, ведь они-то и составляют самую ее сущность, а освобождение от них равносильно ее уничтожению. Это прозрение фактически означало разрыв со своим классом во имя воссоединения со всем остальным человечеством. Так в ее биографии начался «левый поворот», определивший как ее дальнейшие взгляды, так и ключевые траектории ее жизненного и творческого пути.

Студенчество С. де Бовуар приходится на период расцвета левых идей. Ее окружение — впоследствии видные французские интеллектуалы — сплошь левых взглядов. Фон, на котором формируются ее убеждения, — жаркие дискуссии вокруг расцветающего в Европе фашизма, а также вокруг и критики политических сил, демонстрирующих полную неспособность его остановить. Несмотря на это, свойственный студенчеству оптимизм настолько непоколебим, что никому не приходит в голову всерьез верить в возможность его торжества. По словам С. де Бовуар, именно это послужило причиной довольно вялого участия молодежи в антифашистских манифестациях рабочих. Так, вспоминая 1934 год, она пишет (де Бовуар, Световидова, 2018: 150):

«Сегодня меня поражает, что мы могли отмечать эти события с относительной безмятежностью; конечно же, мы возмущались; нацизм внушал французским

левым еще больший ужас, чем фашизм Муссолини; но мы отказывались признавать угрозу, нависшую из-за него над миром. Коммунисты тогда превосходили всех в своей готовности обманываться. С неизменным оптимизмом немецкая компартия продолжала недооценивать значение ослаблявших немецкий пролетариат глубоких разногласий, усилению которых способствовала ее политика; Тельман утверждал, что никогда четырнадцать миллионов немецких пролетариев не позволят фашизму окончательно закрепиться у них; никогда они не согласятся последовать за Гитлером в войну».

Вспоминая это время, де Бовуар часто корит себя за личное неучастие, называя его аполитичным (де Бовуар, Световидова, 2018: 115, 218, 270). Из сегодняшнего дня это представляется не вполне корректным, ведь политическое не только всегда находилось в горизонте ее внимания, но и составляло заметную часть ее повседневной рефлексии: с самого юного возраста для нее и ее круга политические темы были в центре обсуждения: будь то происходящее в Италии, усиление позиций НСДАП в Германии или Испанская революция 1936 года, приковавшая к себе взгляды всего прогрессивного человечества. Скорее, здесь следует усматривать проблему понимания политического как такового: возлагая надежды на «политические силы», в те годы многие не стремились участвовать в так называемой политике прямого действия. По всей видимости, с годами де Бовуар пересмотрела эту созерцательную позицию как опрометчивую в своей наивной надежде на представительную демократию и тем самым переосмыслила политическое.

Что же служило системообразующим фактором для ее философско-политической перспективы 1930-х гг.? Не в последнюю очередь советский опыт. С одной стороны, он явственно демонстрировал возможность другого (не вполне понятно какого, но точно не капиталистического) мира. Это означало, что борьба левых за социалистический проект по меньшей мере не обречена и уж точно не напрасна. Один из главных вопросов, волнующих Ж.-П. Сартра и С. де Бовуар в 1930-е гг., — вопрос о том, является ли СССР скорее «цивилизацией инженеров» (там же: 36) или все же страной свободных художников и нового творческого гения. С любопытством изучая литературу, кинематограф и другие эстетические эксперименты СССР, Симона де Бовуар, Сартр и их ближайшее окружение обнаруживают множество вдохновляющих сюжетов и форм, позволяющих по крайней мере констатировать известную состоятельность советского проекта: его своеобразие и новаторство, его мощь и плодovitость. Судя по всему, не обладая теоретической чувствительностью к проблематике идеологии, власти, государства и их стратегий

репрезентации в культуре, они часто восторженно воспринимают советский нарратив как правдиво-живое свидетельство и полагают, что черпают из него подлинное понимание происходящего за железным занавесом. Так, Симона де Бовуар пишет (де Бовуар, Световидова, 2018: 145):

Некоторые романы открыли нам один неизвестный момент революции: отношения между городом и деревней, между коммунистами, занимавшимися реквизицией и коллективизацией, и крестьянами, упорствующими в своих правах собственников. Даже в произведениях, довольно примитивных с точки зрения мастерства, — «В стране поверженных» Панферова, «Барсуки» Леонида Леонова (который не побоялся в предисловии сослаться на Достоевского), — размах, новизна, сложность этого начинания увлекли нас. Об этом замечательно было рассказано в «Поднятой целине» Шолохова. [...] Своего «положительного героя», комиссара, он сумел сделать человеческим и привлекательным, но вызвал у нас сочувствие к старикам-мракобесам, боровшимся за свое зерно.

Столь парадоксальное для философов не критичное доверие к большевистскому нарративу о «крестьянском вопросе» (особенно в те самые годы, когда в Париже находит прибежище весь цвет черной эмиграции¹ — живые свидетели событий советской истории, в том числе Нестор Махно, не понаслышке знавший и как обстояли дела с крестьянством, и что станет скрывать о себе советский режим) — красноречивое свидетельство флегматичной декоративности интереса французской интеллигенции к советскому проекту. Что мешало Симоне де Бовуар пожелать узнать третью версию событий — ту самую, о которой могли бы многое сообщить ее хорошо известные в Париже современники (в том числе публичные, а также издававшие собственную прессу): Петр Аршинов, Александр Скирда, Мария Гольдсмит или Александр Беркман? По всей видимости, отсутствие внутренней необходимости углубиться дальше тех очевидных поверхностей, которых, однако, казалось вполне достаточно для «общего представления» о судьбе далекого социалистического государства — представления, столь значимого для имиджа «настоящих левых».

Еще отчетливее, чем в случае с судьбой русского крестьянства, это предположение подтверждается записями Симоны де Бовуар о судьбах

¹В традиции исследований анархизма этот термин часто используется для обозначения многочисленных эмигрантов-анархистов и эсеров, вынужденных покинуть СССР. В данном контексте особенно важно то, что именно они занимались проблемами крестьянства.

крестьянства испанского и в целом о событиях в Испании. Учитывая то, что за ними не просто напряженно следили по всей Европе, в Америке и СССР, но зачастую и отпраплялись принимать в них активное участие (как, например, А. Мальро, А. де Сент-Экзюпери или Э. Хемингуэй), живо реагировать на них означало держать руку на пульсе эпохи, оставаться актуальным и пронизательным мыслителем, достойным своего круга и масштаба окружающих событий. По всей видимости, именно эта внешняя необходимость, с одной стороны, побуждала С. де Бовуар братья за перо (впрочем, парадоксально теряющее в эти моменты свою обычную силу) и, с другой стороны, становилась причиной спешки, поверхностности и неразборчивости в источниках.

Так, на соседних страницах Симона де Бовуар с одинаковым драматизмом и с не свойственной ей безликой невыразительностью стиля опирается то на сталинистскую, то на троцкистскую версию событий, забывая о том, что P. S. U. C.² и P. O. U. M.³ — силы, не просто изначально конкурентные, но и впоследствии открыто враждующие. Последовательность она сохраняет только в нападках на С. N. T.-F. A. I.⁴, впрочем предсказуемо и дословно совпадающих с риторикой популярной прессы (между тем именно С. N. T.-F. A. I. оказались единственной силой, в которой не разочаровался прошедший эту войну Дж. Оруэлл (Оруэлл, Воронин, 2016: 126)). Так, Симона де Бовуар пишет (де Бовуар, Световидова, 2018: 305):

Ситуация, однако, складывалась критическая. В начале мая анархо-синдикалистское восстание, залившее кровью Барселону, чуть было не отдало в руки фашистов Каталонию. Негрин сформировал новое правительство и попытался пресечь организованные анархистами и троцкистами беспорядки, наносившие вред борьбе против Франко; были арестованы лидеры ПОУМ, которую коммунисты разоблачали, как сборище предателей. Между тем анархисты и социалистическая фракция обвиняли Негрина и сталинистов в том, что, убивая движение масс, они убивают Республику. Эти разногласия не предвещали в будущем ничего хорошего.

Явно повторяя в этом фрагменте патетичную сталинистскую риторику — не слишком, впрочем, релевантную преимущественно троцкистско-

²P. S. U. C. — Partit Socialista Unificat de Catalunya — Объединенная социалистическая партия Каталонии.

³P. O. U. M. — Partido Obrero de Unificación Marxista — Рабочая партия марксистского единства.

⁴С. N. T. — Confederación Nacional del Trabajo — Национальная конфедерация труда; F. A. I. — Federación Anarquista Ibérica — Федерация анархистов Иберии.

му дискурсу ее собственного окружения, — она как бы спохватывается от возникшей неловкости и на всякий случай завершает фрагмент (тем не менее еще более компрометирующим) декоративно-утомленным сеговением на в целом досадные распри между политическими силами, столь характерным для всех, кто следил за Испанской войной из уютных кафе и не очень понимал, в чем исторически заключалась суть противостояния между сталинизмом, троцкизмом и анархизмом.

Фрагменты текстов Симоны де Бовуар об Испании стилистически нарочито неоднородны (что в остальном ей совершенно несвойственно) и, пожалуй, выглядят как склейки двух языковых регистров: узнаваемое живое литературно-дневниковое начало сюжета сменяется беспомощно сухой газетной сводкой, претендующей, однако, исчерпать фактический аспект события, но на деле, по обыкновению, скрывающей свой идеологический метатекст (де Бовуар, Световидова, 2018: 218):

Моя манера читать газеты оставалась все такой же легкомысленной. Как я уже говорила, я обходила проблемы, связанные с политикой Гитлера. [...] Взволновали меня лишь испанские события: в Каталонии и Астурии вспыхнули рабочие восстания, и правые, стоявшие тогда у власти, жестоко подавили их.

Коммунисты, радикалы, анархо-синдикалисты преследовали разные цели. Анархисты отказывались понимать, что сначала надо выиграть войну, а потом уже делать революцию; в некоторых провинциях, в том числе и в Каталонии, профсоюзы пытались создать советы, хотя им следовало бы обеспечить работу заводов. Колонны анархистов мешали правительственным действиям несвоевременными вылазками, они не подчинялись приказам, исходящим от центральной власти. Такое отсутствие единства представляло страшную опасность перед лицом крепкой армии Франко, которой все более широкую поддержку оказывали немецкие и итальянские экспедиционные корпуса (там же: 294).

«Отказывались понимать»; «мешали / не подчинялись»; «хотя им следовало» и, наконец, совсем уж неожиданный пиетет к решениям «центральной власти» — эти и другие грубо нарративные формулы (совершенно несвойственные обычно деликатной и склонной к рефлексии Симоне де Бовуар) явно несут на себе следы внешних политических нарративов (в данном случае — сталинистского и троцкистского), разобравшись в которых совершенно невозможно лишь на основании прессы, тем более до такой степени, чтобы столь однозначно присоединиться

к их категоричному тону. И, как бы снова стесняясь этой внезапной категоричности, С. де Бовуар понижает градус высказывания привычным сетованием на отсутствие единства враждующих сил — столь закономерного в незатейливой картине мира абстрактно миролюбивых зрителей французских кафе.

Пожалуй, один из самых неприглядных эпизодов этой поистине легкомысленной риторики — фрагменты о Симоне Вейль. Грубость, с которой де Бовуар создает нарочито небрежный и насмешливый росчерк об одной из своих самых ярких, интересных и глубоких современниц, особенно парадоксальна на фоне декларативного восхищения аналогичным поступком А. Мальро (де Бовуар, Световидова, 2018: 282) (точно так же отправившегося на фронт) и может быть объяснена разве что не изжитой до конца внутренней мизогинией в совокупности с глубинным чувством вины за собственную хорошо скрываемую беззаботность (там же: 295):

Поехать в Испанию — об этом не было и речи; ничто в нашей жизни не располагало к столь безрассудному поступку. [...] Симона Вейль перешла границу, чтобы вступить в ополчение, и потребовала винтовку; ее определили на кухню, и она опрокинула себе на ноги миску с кипящим маслом.

Этой сомнительной карикатурой С. де Бовуар ограничивается, возвращаясь к С. Вейль лишь в двух местах, впрочем, не менее насмешливо-неприязненно (там же: 124, 130–131). Объяснение такой неприкрытой враждебности — парадоксальной при общем сочувствии Испании и в целом борьбе угнетенных — предположительно следует искать в собственном признании Симоны де Бовуар, брошенном вскользь и как бы между строк (там же: 321):

Из ревности, из зависти я совершала проступок, отдававший меня в его власть, и я обрела спасение, уничтожив это сознание. Я намеревалась противопоставить себе действующее лицо, похожее на Симону Вейль, поскольку в моих глазах она обладала неким престижем.

Помимо своего очевидного сообщения эти слова также позволяют предположить, что политическая рефлексия Симоны де Бовуар подчас уступает место скучающему взгляду литератора-коллекционера, ищущего оригинальные фактуры, характеры и сюжетные повороты. Вероятно, преобладание этой оптики не в последнюю очередь обусловлено общими гносеологическими настройками повседневности среднего класса в условиях капитализма (характерной чертой которого как раз является опустошенно-равнодушное коллекционирование).

Правдоподобным подтверждением этого предположения служит и собственное признание С. де Бовуар (де Бовуар, Световидова, 2018: 145):

...парадоксальным образом, нас привлекла Америка, режим которой мы осуждали, а СССР, где разворачивался опыт, восхищавший нас, не вызвал нашего интереса.

Перспектива классовой теории — особенно в ее поздней, фрейдомарксистской версии — снимает кажущуюся парадоксальность этого обстоятельства: мировосприятие, сформированное в условиях практик и ритмов капитализма, настраивает протокол желания и удовольствия именно по присущим ему образцам. С этой точки зрения в приведенной С. де Бовуар рассинхронизации аффективных склонностей и преднамеренных умпостроений как раз, напротив, нет ничего странного. При этом она также сигнализирует о чем-то не менее важном — о чисто умственном, моральном характере внимания к советскому миру и его внешнеполитическим проявлениям (например, таким как требование Советского Союза подавить Испанскую революцию в обмен на запоздалое снабжение оружием (Оруэлл, Воронин, 2016: 265)). Если даже горе французских евреев (де Бовуар, Световидова, 2018: 528), по словам Симоны де Бовуар, оказалось сложно переживать как близкое, приходится ли говорить о событиях в далеком и призрачном СССР (там же: 287)? Так, она вспоминает (там же: 360):

«Можно ли работать, можно ли веселиться, можно ли жить, когда происходят подобные вещи?» — со слезами говорила мне Бьянка. И мне было стыдно за мой эгоизм, ведь я упорно стремилась к счастью.

И все же, несмотря на эту отстраненность, к теме советского Симона де Бовуар обращается с заметным постоянством на протяжении всей своей жизни. Так, в автобиографическом романе «Мандарины», повествующем о послевоенном времени, одной из центральных полемических линий она делает именно споры о советском, характерные для французских левых интеллектуалов тех лет. Погружаясь в них со впечатляющей степенью детализации (этим вопросам она отводит десятки страниц), она — пожалуй как мало кто — внимательно исследует и высвечивает основные этические и политические пласты конфликта, ставшего причиной расколов в левом движении, а также непримиримо разлучившего многих старых товарищей по Сопротивлению.

Одним из вызвавших его обстоятельств стала проблема репрезентации данных о ГУЛАГе, начавших впервые проникать во Францию:

стоило ли делать их видимыми для широкой аудитории? Одни находили это недопустимым, поскольку это могло дискредитировать нарратив левых и привести к окончательному разочарованию рабочего класса Франции в проекте социалистической альтернативы, а значит фактически предопределить окончательную победу США и нелиберального проекта. Ход мысли приверженцев этого взгляда С. де Бовуар описывает так: «Возбудить общественное мнение против СССР! [...] Это именно то, чего нам следует избегать, особенно теперь!» (де Бовуар, Световидова, 2005: 287);

Американское господство: это значит недоедание и бесконечное угнетение для всех стран Востока; единственный их шанс — СССР: единственный шанс для человечества избавиться от нужды, рабства и скудоумия — это СССР, и, стало быть, следует сделать все, чтобы помочь ему. Когда миллионы людей превращены нуждой в скотину, гуманизм — смешон, а индивидуализм — низок; как можно осмелиться требовать для себя высших прав: свободно обо всем судить, решать, обсуждать? (там же: 213)

Мы говорили о русских лагерях. Венсан полностью согласен со мной. Он считает это отвратительным, но если начать кампанию против, буржуи останутся очень довольны (там же: 342).

Также среди противников разглашения сведений о ГУЛАГе была распространена позиция оправдания «наименьшего зла», например, тем, что в отличие от ужасающих условий капитализма в трудовых лагерях нет безработицы. Один из героев «Мандаринов» размышляет (там же: 367):

По крайней мере, их повседневная жизнь обеспечена; и я убежден, что судьба их менее ужасна, чем это утверждает необъективная пропаганда; тем более что постоянно упускают из виду: мышление советского человека не такое, как у нас: он, например, считает нормальным, когда его переселяют в соответствии с потребностями производства. Никто не желает зла ради зла, — возразил Ленуар, — и СССР меньше, чем любой другой режим; если они принимают какие-то меры, значит, эти меры необходимы. — Ленуар раскраснелся еще больше. — Как вы осмеливаетесь осуждать институты страны, трудностей и нужд которой вы не знаете? Это недопустимое легкомыслие. [...] Лагеря могут быть необходимыми сегодня, но отнюдь не всегда.

Среди скептиков находилось немало и таких, кто вовсе отрицал правдоподобность сведений о советских лагерях (в качестве одной из стадий принятия происходящего эту позицию в той или иной мере проходили

все (де Бовуар, Световидова, 2005: 286, 320)). Так или иначе, все перечисленные позиции объединяло одно — решительный протест против разглашения страшных вестей из СССР.

Были у этого намеренного замалчивания и противники разной степени решительности: среди них встречались как убежденные в том, что горькая правда лучше любых иллюзий, а замалчивание масштаба советской катастрофы — этическое преступление как минимум против тех, кого она коснулась, так и сторонники полуправды и частичной, «осторожной» (там же: 288) огласки.

К какой из перечисленных позиций склоняется сама Симона де Бовуар? Для ответа на этот вопрос обратимся к возражениям Анны Дюбрей (камео Симоны де Бовуар в романе «Мандарины»), адресованным апологетам советской политики (там же: 321–322):

Что вам дает основание думать, будто задачи СССР все еще совпадают с задачами человечества? Мне кажется, что существование лагерей заставляет поставить под вопрос все дело СССР целиком.

При ближайшем рассмотрении эти слова звучат как прямой ответ на знаменитую критику, обращенную Сартром к свидетельствующим о лагерях, дискредитирующим своими свидетельствами социалистический проект (Applebaum, 2003). По всей видимости, в период своего предельного экзистенциального отдаления от Ж.-П. Сартра, пришедшегося именно на рассматриваемые годы, С. де Бовуар заметно освобождается от его влияния, отходя от него также и политически: похоже, это она скрывает за фигурой одного из скептиков и сторонников умолчания, над которыми с печалью иронизирует Анна Дюбрей (де Бовуар, Световидова, 2005: 53): «Лично мне всегда было трудно в наименьшем из зол усматривать благо. [...] Верно, потому, что я слишком долго верила в Бога». Нельзя не заметить ту горечь, с которой Анна выслушивает доводы в защиту сокрытия вестей из СССР. И хотя сама Симона де Бовуар не оставила сколь бы то ни было репрезентативных свидетельств о своих расхождениях с Сартром в политических позициях в 50-е и 60-е гг., взгляд Анны при прочих легко считываемых параллелях с мироощущением самой С. де Бовуар представляется вполне красноречивым для подобных выводов.

В некотором смысле тема советского и связанное с ней этическое испытание оказывается для Симоны де Бовуар неожиданным инструментом для самопознания и неочевидных маршрутов личностной рефлексии:

что для нее (и шире — для левых интеллектуалов Франции) левый проект? Как он соотносится с советским экспериментом? Что такое СССР? Последняя надежда среди океана человеческой скорби и угнетения? Далекая ширма от собственного малодушия и привязанности к богомному существованию при капитализме? Признать СССР диктатурой — значит решиться на предельную степень отчаяния? Или, наоборот, наконец необходимо найти достаточное основание больше не смотреть с чувством вины и долга в советское как возможное, с головой погрузившись в единственное, что доступно, — в привычный мир, определяемый капиталом и интересами США? (де Бовуар, Световидова, 2005: 289) Все эти вопросы призваны сканировать внутреннюю жизнь и скрытые побуждения как героев романов де Бовуар, так и ее собственные. В этом смысле она так до конца и не ступает на почву политической философии, но как бы увлекает ее саму в плоскость литературы и экзистенциальной перспективы. Тема советского открывает для этого новые возможности.

Подведем итоги. Тема советского составляет как один из устойчивых сюжетов в жизни французских левых интеллектуалов 1930–1960-х гг., так и один из заметных рефренов в творчестве самой де Бовуар: СССР возникает на горизонте ее внимания вначале как невероятное осуществление политической мечты (1920-е гг.), затем как поле угасших огней революции (начало 1930-х гг.), все еще озаряемое, однако, мощным творческим гением, затем — как противоречивое пространство, источающее одновременно силы разрушения и созидания (конец 1930-х — 1940-е гг.), затем — как далекий край, теряющийся в тумане вымыслов, домыслов и фрагментов пропаганды с разных сторон (послевоенные годы). Значимыми для С. де Бовуар предстают и события, так или иначе связанные с внешней политикой Советского Союза: например, события в Испании 1936 г. или политика СССР во время Второй мировой войны. В этом смысле не будет преувеличением заключить, что советское — по-настоящему недооцененный постоянный сюжет в работах С. де Бовуар, заслуживающий исследовательского внимания и по-своему репрезентативный для понимания того, каким виделось происходящее в СССР из Европы.

В высшей степени ценным представляется освещение Симоной де Бовуар полемических линий вокруг этих событий: мнений о том, как их воспринимать, интерпретировать, оценивать и как на них реагировать в практическом отношении. В период пика этих полемик сама Симона де Бовуар занимает наименее идеологически ангажированную позицию, оставаясь верной своей изначальной философской перспективе

кантовской этики: если политический проект требует того, чтобы ради него лгать или скрывать правду, он не может считаться настолько состоятельным, насколько претендует казаться; цель в этом случае не оправдывает средства, а советские репрессии отменяют изначальные смысл и суть советского проекта.

Кроме того, советское становится для Симоны де Бовуар ценным и продуктивным средством для рефлексии как в отношении самой себя, так и в отношении скрытых внутренних процессов внутри сообщества французских левых интеллектуалов. В этом смысле она хоть и не формирует собственной политико-философской концепции, но пользуется политической философией для решения экзистенциальных проблем (в формате литературного повествования). Ценность такого междисциплинарного жеста несомненна: повседневное обретает доступ к самому себе на новой глубине, а литература выходит за пределы чистой событийности и ее индивидуальных преломлений. Советское — один из важных мотивов политико-философского скитания Симоны де Бовуар по пространствам ее текстов.

И все же тема советского присутствует в ее прозе и публицистике парадоксально: несмотря на регулярность, она часто остается поверхностной и предвзятой, в особенности когда при формировании своих представлений о происходящем Симона де Бовуар ограничивает круг источников заведомо ангажированной сталинистской прессой (например, в случае суждений об Испании) или агитационно-идеологическим искусством (уже утратившим при этом органическую связь с изначальными творческими проектами, вызвавшими его к жизни). Пожалуй, самым поразительным остается то, что она так никогда и не воспользовалась возможностью обратиться к версии советских событий, которой придерживалась «третья сила» русской Революции — анархисты, тем более что существенная часть «черной» эмиграции нашла прибежище именно во Франции и как раз в годы наибольшей творческой продуктивности С. де Бовуар, а многие сочинения анархистов-эмигрантов подчас и во все становились всемирно известными (например, книга Э. Гольдман «Мое разочарование в России» (Goldman, 1923)). Парадоксальность эту отмечает и сама де Бовуар, осмысляя разрыв между искренностью влечений своего круга к культурным практикам, сложившимся на Западе, и своеобразной вынужденностью декларативной поддержки далекого и непонятого СССР. По всей видимости, названные парадоксы не в последнюю очередь связаны с проблемой самоопределения и саморепрезентации, а поверхностность в обращении с темой советского вполне

может быть обусловлена тем, что для левых интеллектуалов Европы сама тема советского исторически сложилась как вопрос скорее имиджа, чем экзистенциальной необходимости. Во всяком случае, этим вполне можно было бы объяснить то, с какой непринужденной легкостью, почти легкомысленностью, обсуждаются ими далекие лагеря Кольмы, а также тюрьмы и расстрельные полигоны. Проблема позиции в холодной войне для них теоретически абстрактна.

Увы, такое видение советского во многом определило глухость Европы по отношению к голосам из-за железного занавеса (и непредставленность их там до сих пор). Определило оно и понимание многими европейскими интеллектуалами происходящего на Востоке и по сей день — в особенности это касается трактовки внутри- и внешнеполитических событий в странах СНГ и Украине начиная с 2014 г. Быть левым (интеллектуалом) по-прежнему означает видеть мир биполярным и в свете этого быть однозначным противником США, даже если для этого требуется искусственно снизить в своем фокусе внимания детализированность того, что самим населением государств СНГ и Украины воспринимается как реальность авторитарных режимов. С этой точки зрения тексты С. де Бовуар также проливают свет как на генезис европейского интеллектуального консенсуса по вопросу советского и постсоветского, так и на перспективы новых волн эмиграции в европейском мире и в целом на принципы репрезентации Европой происходящего на постсоветском пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

- Бовуар С. де.* Воспоминания благовоспитанной девицы / пер. с фр. М. Л. Аннинской, Е. Ю. Леоновой. — М. : Согласие, 2004.
- Бовуар С. де.* Мандарины / под ред. Н. И. Полторацкой, Н. Световидовой ; пер. с фр. Н. Световидовой. — М. : Ладомир, Наука, 2005.
- Бовуар С. де.* Зрелость / пер. с фр. Н. Световидовой. — М. : Издательство «Э», 2018.
- Оруэлл Д.* Памяти Каталонии / пер. с англ. В. Воронина. — М. : АСТ, 2016.
- Applebaum A.* Gulag / Gray City. — 2003. — URL: <https://graycity.net/anne-applebaum/page,2,110961-gulag.html> (visited on Jan. 22, 2022).
- Goldman E.* My Disillusionment in Russia. — New York : Thomas Y. Crowell Company, 1923.

Rakhmaninova, M. D. 2022. "Politicheskiye vzglyady Simony de Bovuar [Simone de Beauvoir's Political Views]: problematika sovet-skogo i yevropeyskiy levyy proyekt [The Problematics of the Soviet and the European Left Project]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 6 (2), 241–255.

MARIYA RAKHMANINOVA

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY

INDEPENDENT RESEARCHER (MOSCOW, RUSSIA); ORCID: 0000-0002-4642-2626

SIMONE DE BEAUVOIR'S POLITICAL VIEWS

THE PROBLEMATICS OF THE SOVIET AND THE EUROPEAN LEFT PROJECT

Submitted: Jan. 27, 2022. Reviewed: Apr. 11, 2022. Accepted: Apr. 15, 2022.

Abstract: The article examines the trajectories of political reflection of the French existentialist and writer Simone de Beauvoir, which are undeservedly often overlooked by researchers of her work and biography. The issue of the Soviet (as a cross-cutting issue in her works) is brought into focus and examined in its dynamics as applied to the period from the 1920s to the 1960s. We undertake a discursive analysis of the works of different years and the metamorphoses in the principles, language, and methods of representation of the Soviet, depending on the historical period, concerning both the domestic and foreign policy levels of Soviet politics. Particular attention is paid to Simone de Beauvoir's testimony about the experience of observing the events in Spain in the 1930s and about the stages of their comprehension—actual and retrospective. In this light, the methods of assessment chosen by Simone de Beauvoir and her entourage, as well as the philosophical and factual assimilation of a given political perspective, are problematized; criticism is made regarding the superficiality of the source part of the formation of the political consensus of the French intellectual community about the Soviet project and the events in the USSR. We attempt to identify the significance and contribution of Simone de Beauvoir to the representation of this consensus and the polemical lines that permeate it, as well as to assess her attitude to the events; we evaluate the role of this consensus in the further development of the European understanding of the Soviet and post-Soviet.

Keywords: Simone de Beauvoir, Political, Soviet, USSR, Social Philosophy, Political Philosophy.

DOI: 10.17323/2587-8719-2022-2-241-255.

REFERENCES

- Applebaum, A. 2003. "Gulag." Gray City. Accessed Jan. 22, 2022. <https://graycity.net/ann-e-applebaum/page,2,110961-gulag.html>.
- Beauvoir, S. de. 2004. *Vospominaniya blagovospitannoy devitsy [Memories of a Well-Bred Girl]* [in Russian]. Trans. from the French by M. L. Anninskaya and Ye. Yu. Leonova. Moskva [Moscow]: Soglasie.
- . 2005. *Mandarin [Les Mandarins]* [in Russian]. Ed. by N. I. Poltoratskaya and N. Svetovidova. Trans. from the French by N. Svetovidova. Moskva [Moscow]: Ladimir / Nauka.
- . 2018. *Zrelost' [Maturity]* [in Russian]. Trans. from the French by N. Svetovidova. Moskva [Moscow]: Izdatel'stvo "E".
- Goldman, E. 1923. *My Disillusionment in Russia*. New York: Thomas Y. Crowell Company.
- Orwell, G. 2016. *Pamyati Katalonii [Homage to Catalonia]* [in Russian]. Trans. from the English by V. Voronin. Moskva [Moscow]: AST.